

ВЗГЛЯД НА ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Независимая
газета. 2001.
— 24 февр. — с. 9, 12

«В обществе нарастает тенденция отрицательного отношения к журналистам», — утверждает Александр Любимов

Александр Любимов — председатель совета директоров ЗАО «ВИД», ведущий передач «Здесь и сейчас» и «Взгляд». Весной прошлого года телекомпания участвовала в конкурсе на частоту ТВЦ. Конкурс был проигран. Второе по счету поражение (чуть раньше «ВИД» боролся за право вещать на частоте, занимаемой сейчас «Дарьял-ТВ») ничуть не повлияло на репутацию «ВИДа», который остается одной из самых весомых и зрелых (по возрасту) компаний-производителей.

Мария Безбородова

АЛЕКСАНДР, сейчас вы проводите конкурс на замещение «вакантной должности» ведущего «Взгляда». Попасть на пробы может каждый или существует какой-то определенный круг «избранных»?

— Прийти может каждый. Но конкурс выдерживают далеко не все. Возможно, при отборе присутствует доля субъективности. Может быть, более талантливые люди не попадают в программу. Но так жизнь устроена: она вся — сплошная субъективность. Мы сейчас уже нашли довольно большую группу молодых людей, которые нам очень симпатичны. И готовы к тому, чтобы передать им «Взгляд». Не знаю еще, по какому пути пойдем, но, возможно, сейчас даже закроем программу, чтобы ребята сделали свой выпуск. В общем, посмотрим — как они сами захотят, так, наверное, и поступим. Когда становишься чуть постарше и уже чего-то достигаешь в жизни, понимаешь, что возможности зависят от того, насколько ты их хочешь реализовать. Мы ищем возможности, а не возможности — нас. Я абсолютно уверен, что любой человек может приехать в Москву и добиться того, что хочет. Нужна настойчивость. Конечно, в своей ситуации мы помогаем молодым, потому что имеем опыт.

— Говорят, что вы не очень хорошо расстались с Сергеем Бодровым...

— У нас очень хорошие отношения с Сережей. Считается, что если люди разошлись, значит, были проблемы. Просто в некоторых компаниях, видимо, строится бизнес так — человек приходит и превращается в собственность: мол, мы ж тебя раскручиваем — давай, работай. С людьми, которые работают с нами, складываются отношения очень свободные. Никогда такого рода проблем не возникает. Бывает, что люди плохо уходят, портят отношения, говорят гадости. Но мы никогда это не комментируем. Ведь, как правило, то, что они говорят, не соответствует действительности. Эти люди просто пользуются доверчивостью журналистов и пытаются по новой раскрутить свой образ — «мы хорошие, а в ВИДе работают подонки». Жаль, что пишущие журналисты до сих пор на это покупаются. Но с Сережей мы работали серьезно и вдумчиво. Он очень интересный человек. Но «Взгляд» все-таки социальная передача, сильно связанная с реальной жизнью. А Сережа — человек культуры, и ежедневный телевизионный ритм — не его стезя. Сейчас он снимает свой собственный фильм. Это класс!

— «Здесь и сейчас» — часть блока информационного канала «Время». Но ваша программа по форме и содержанию совершенно не стыкуется с идущими следом выпусками «Однако». Как вы считаете, в одном информационном блоке могут существовать две такие полярные передачи?

— Это должны решать зрители. Я считаю, что идея создания информационного канала очень помогла ОРТ. Тогда этот канал сразу побил рейтинги НТВ в Москве, что было важно. По стране ОРТ всегда имел большие рейтинги, а в Москве, где зрителей НТВ больше, аудитория информационных блоков была равной. Что касается Леонтьева, которого вы имеете в виду, я, честно говоря, вообще считаю, что авторская журналистика в таком виде — не совсем телевизионный жанр. Но, как говориться, сколько людей, столько и мнений.

— Программа «Здесь и сейчас» в чем-то схожа с передачей «Один на один». Одно из главных ее отличий — серьезный тон, не принимающий ни малейшей нотки юмора, что было в «Один на один». Вы решили изменить тональность, стать совершенно серьезным?

— Конечно, эта серьезность сознательная. Чем реже ты выходишь, тем более экспериментальные и странные программы мо-

жешь делать. В ежедневной программе это невозможно, потому что зритель консервативен и, если ему каждый день дают что-то, что его раздражает, он это просто не будет смотреть. От еженедельной передачи устать нельзя. Вообще мне ближе шоу: я люблю большие студии, много зрителей. Это мой любимый формат, я в нем лучше всего себя чувствую. И там, конечно, больше пространства для юмора, иронии.

Но, когда выходила программа «Один на один», я часто слышал от людей, вполне принимающих такую манеру ведения, упреки в том, что возникает ощущение, будто бы я отношусь к обсуждаемым проблемам брезгливо, что они меня не трогают. Это наш российский менталитет — часто люди улыбку или юмор воспринимают как пренебрежительное отношение. Просто я так общаюсь.

У меня иногда бывают варианты «Один на один» в «Здесь и сейчас». Но больше я не даю гостям возможности выйти на территорию формального противоборства, когда зрители просто следят за исходом поединка. Мне стало значительно важнее (хотя я и прежде ставил это во главу угла) находить компромисс. Потому что плескаться соком — не дело политика. Это умеют и другие. Профессия политика заключается в том, чтобы согласовывать интересы. Допустим, я — рабочий Шандыбин, и вот я должен согласовать интересы. Пока еще мне, Шандыбину, позволяет выступать, что-то нести — вся страна смеется. Но постепенно все поймут — неквалифицированный защитник хуже, чем квалифицированный нападающий. Просто шутки и смех — это атрибут политики, которая мало что решала в жизни людей. Сейчас главное — сосредоточенно изучать все механизмы, понимать, как все устроено. Вот, например, история с Наздратенко. Его ругают. Во-первых, это модно, во-вторых — безболезненно, потому что он далеко. Но, изучая эту историю в «Здесь и сейчас», мы прошли от проблемы мелких коммунальных хозяйств и борьбы между владельцами теплотрасс до глобальных проблем. Мне кажется, что самое важное — повернуть ключ еще на пол-оборота, чуть-чуть продвинуться вперед, больше узнать. И когда это удастся за 10 минут эфира «Здесь и сейчас», я радуюсь.

— В ток-шоу сам механизм позволяет проговаривать вопросы гостю за несколько минут до эфира. Случалось ли, что, не успев что-то обсудить с гостем, в «Здесь и сейчас» интервью просто срывалось?

— Я, как правило, ни с кем до эфира не разговариваю. Бывают редкие случаи, когда человек приходит первый раз, плохо меня знает, нервничает. Я вижу, что эта нервность не содержательная, а психологическая. А проблема, которую мы будем обсуждать, сложная. Если чувствую, что из-за волнения он не сможет что-то рассказать, я иногда ему говорю, что приблизительно хочу спросить. Как правило, я этого не делаю, потому что теряется спонтанность. А потом — мы должны быть в равной ситуации. Когда меня просят о чем-то не спрашивать, я говорю: «Я спрошу, а вы ответите, что это бестактный вопрос или что договорились с партнерами не высказываться на этот счет. Скажите что угодно — это и будет ответом». Мне никто не может запретить что-то спросить.

— ВИД два раза боролся за получение субвенционного канала, и оба раза неудачно. Почему вам так и не досталась частота «Дарьял-ТВ» и ТВЦ?

— В случае с «Дарьял-ТВ» решение было принято в обход комиссии по тендеру. Был объявлен тендер, но его не провели, ссылаясь на какие-то перемены статуса министерства. В общем, история неприятная. Во второй раз, в случае с ТВЦ, был тендер, что я считаю очень позитивным результатом, потому что факт борьбы, я думаю, был полезен и для ТВЦ. Но проблема осталась — ТВЦ смотрят все меньше и меньше.

(Окончание на стр. 12)

ВЗГЛЯД НА ТЕЛЕВИДЕНИЕ

(Окончание. Начало на стр. 9)

Не скрою, мы очень довольны этим обстоятельством. Когда шел конкурс, наши главные конкуренты столько наговорили в интервью, столько наобещали зрителям... Теперь все увидели — это блеф, просто группа чиновников не хочет на пенсию и, надо отдать им должное, довольно грамотно использовала политическую ситуацию. Из того, что они обещали, ничего не сделали. И не делают. Но сейчас, как и тогда, я считаю, что решение было принято правильное. Если бы нам отдали канал, — а Лужков этого бы не вынес, считал бы, что мы враждебные силы, — тогда зачем это? Представьте, телевизионный канал города рассматривается властями города как враждебный. При этом канал должен рассказывать горожанам о жизни города. Более бредовой ситуации я просто не представляю. В этом смысле я всегда за политическое спокойствие, даже если это против интересов ВИДа. К сожалению, политические руководители часто страдают близорукостью, они искренне пытаются повернуться лицом к городу, но это не получится с теми руководителями ТВЦ, на которых сделана ставка. Будем ждать.

— После августовского кризиса 1998 года вещатель оказался в более выгодном положении, чем производитель. Удастся ли вам добиться рентабельности вашей продукции?

— Очень сложный вопрос. После 1998-го вещателей старались хоть как-то поддерживать. ОРТ получало кредиты, на РТР в последнее время более или менее пошли бюджетные средства. НТВ вообще платились невероятные суммы. Производителям никто не помогал. Но производители у нас сознательные, они уменьшили цены на все. У нас сейчас ситуация довольно сложная. Наши субподрядчики начинают поднимать цены, поскольку рынок постепенно оживает, а телеканалы держат очень низкую планку закупочных цен. Наверное, если начать сейчас с нуля, я бы этим не стал заниматься. Низкими ценами ТВ сегодня отталкивает от себя таланты и сужает поле творческого эксперимента.

— В прессе вы не раз заявляли, что нам просто необходима цензура, чтобы государство могло себя оберегать от хамства и вольнодумства...

— Когда я даю интервью, предполагаю, что люди, с которыми я общаюсь, приходят ко мне с добрыми намерениями. Гадости пишут и без интервью. Но мои слова потом как-то монтируются и обретают совсем другой смысл. Или, может, я так высказываюсь, что меня трудно понять... В обществе нарастает тенденция отрицательного отношения к журналистам. Зрители, читатели начинают понимать, что их дурачат. Люди читают газету в надежде получить информацию, а на самом деле все там придумано и не имеет никакого отношения к информации. Вот что не нравится потребителю информации. Когда меня спрашивали о цензуре, я имел в виду, что мы должны сами (как сообщество) задуматься. Иначе будут падать тиражи газет, люди будут меньше смотреть телевизор. Мы сейчас создали новую организацию — Союз работников СМИ («Медиасоюз»). Я рад, что мы не занимаемся проблемами типа «враг прессы № 1», а пытаемся разобраться в том, что на самом деле является средствами массовой информации. Читатель должен знать, где пишется неправда. Скажем, газета пишет «Любимов убил Листьева», — люди должны знать, что эта газета является не газетой, а местом, где фантазируют какие-то люди. И меня удивляет, вызывает большое сожаление, что мы с таким

Рассудительный Александр Любимов.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

трудом добиваемся понимания, например в Москве, когда в регионах находим колоссальную поддержку. Как будто московские издания рассчитывают, что их эта тенденция не коснется.

— Правда, что вы штрафуете подчиненных за опоздания на планерки?

— Неправда. Недавно написали, что я в Москве-реке утопил кошку. И вообще все время рассказывают, что я очень злой. Была у нас, правда, лет шесть назад такая игра: на летучки «Взгляда» журналисты все время опаздывали. И мы решили, что с опоздавших будем собирать деньги на кофе.

— Почему вы считаете, что расследование по делу убийства Влада Листьева надо прекратить?

— Недавно генпрокурор, комментируя какое-то заявление, сказал, что прокуратура не всеильна. Но раз они не всеильны, так и надо сказать, что они не могут раскрыть преступление. Вот что я имел в виду. А нам говорят: свидетели из ближнего окружения не сотрудничают со следствием. Сотрудничают максимально возможно для такого серьезного дела. Может быть, по нашим законам (я имею в виду порядок ведения дознания) нет цивилизованной системы отношений со свидетелями: гарантий безопасности никто не дает, свидетельствовать анонимно тоже нельзя. Например, Альбина — вдова Владика — понимает, что убийство связано с чем-то серьезным. Но кто потом будет заниматься ее безопасностью?

— Правда ли, что у вас достаточно сложные отношения с Академией телевидения?

— Они взаимно равнодушны. Я не делаю никаких публичных заявлений. Более того, я желаю им успеха и очень рассчитываю, что инициативу, которую выдвинул Владимир Владимирович Познер еще год назад, — расширить состав академии, поддержат. Единственный смысл Академии телевидения в том, чтобы эта организация объединяла людей, продвигала молодых, открывала новые имена. И в этом смысле, по моему, конкурс «Новости — время местное» на порядок интереснее, богаче и лучше сделан, чем ТЭФИ. ТЭФИ — это какая-то борьба амбиций, причем, как правило, на пустом месте, в кругу давно известных персонажей. Удивляюсь коллегам, что национального признания, выраженного в рейтингах, им кажется мало. Нужна дома статуэтка. Мне

это очень несимпатично, поэтому я просто не участвую в их работе. Меня избрали, но я там ни разу не был. Жизнь короткая, хочется заниматься тем, что дает результат. Недавно в письме академиком я сказал, что буду готов работать в академии, когда там произойдет демократизация.

— В конце 80-х — начале 90-х некоторые выпуски «Взгляда» цензура не пускала в эфир. Вы даже распростирали видеокассеты с записями передачи. Как вы считаете, сейчас может случиться что-то подобное?

— Ограничения есть и на Западе, и на Востоке. Скажу так: демократия — это механизм, неидеальный, конечно, но рассчитанный на думающее общество, которое способно ставить такие ограничения, которые берегут его мораль, а не мешают свободе слова. Могу привести пример: правила Би-би-си до недавнего времени запрещали говорить что-либо о Северной Ирландии без визы специального комиссара по этому государству — заместителя руководителя компании. То есть везде существует власть, которая всегда чем-то недовольна, существуют и недовольные хозяева. «Вам не нравится здесь, уходите в другое место» — говорят и в Лондоне, и теперь в Москве. Таких запретов, как раньше, когда действительно закрывали передачи, сейчас, по крайней мере в Москве, нет. Мы пережили открытия-закртия тысячу раз при коммунистах, когда действительно была политическая цензура. Она действовала в 1993 году уже при Ельцине. Но меня удивляет позиция некоторых СМИ сегодня, когда такое, я надеюсь, невозможно. Когда власть расстреливает, они ее поддерживают. А когда власть говорит: «Верните деньги!», сразу вспоминают о свободе слова. По-моему, такое злоупотребление свободой слова угрожает ей значительно больше, чем власть. Это — обыкновенное одурачивание. В регионах, конечно, журналисту значительно тяжелее работать, чем в Москве. Там все очень жестко: шаг в одну сторону — уже бандит, шаг в другую — губернатор. Условно, конечно. Я не говорю, что все губернаторы связаны с организованной преступностью. Но политический маневр там очень узкий — мэр, губернатор и с трудом поднывавшиеся холдинги. Все. Но ситуация меняется.

Что касается политического давления — это не цензура. На меня

оказывается давление каждый день, с разной интенсивностью в течение всей жизни. Я просто не делаю из этого событий. При коммунистах было тяжелее, тогда пытались физически угрожать, применялось насилие. В тюрьму один раз посадили. К счастью, все обошлось, я жив в отличие от моего друга Владика. Да и вообще: не нравится эта профессия — идите в другую. А как вы думали? В стране, которая меняется, журналистика — тяжелая работа. А что ж каждый раз кричать? В День печати была встреча у президента. И там один субъект — известный очень журналист — говорил, что президент должен защитить свободу слова, потому что к нему приходят журналисты (он — главный редактор) и спрашивают: «Можем ли мы про это написать? Это не ухудшит наши отношения с властью?» На что ему главный редактор газеты «Правда» сказал: «Если боитесь, не печатайте». Мне очень понравилось, что даже президент не вмешивался. Ну это — как Тернер, который просит Путина дать ему политические гарантии. Слушайте, вы кто такой, Тернер? Почему и какие вам гарантии? А почему нам никто не дает политических гарантий?

Березовский меня несколько раз пытался убрать из эфира. Сейчас я могу об этом говорить, а если бы вы меня спросили, когда он был хозяином канала, я бы не сказал. Это корпоративные правила. У владельцев и работников всегда есть разногласия. Это нормально. Но делать из таких конфликтов вселенскую проблему как минимум нетактично.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Александр Михайлович Любимов родился 23 июня 1962 года. В 1979 году поступил на факультет международных экономических отношений МГИМО. Параллельно с учебной работой переводчиком в международном отделе ЦК КПСС, ЦК ВЦСПС, КМО ЦК ВЛКСМ. Позже устроился на работу в Госкомитет по телевидению и радиовещанию на Иновещание. С 1987 года — один из ведущих программы «Взгляд». В 1992 году руководил международным вещанием ВТРК «Останкино», вел программу «Красный квадрат».